

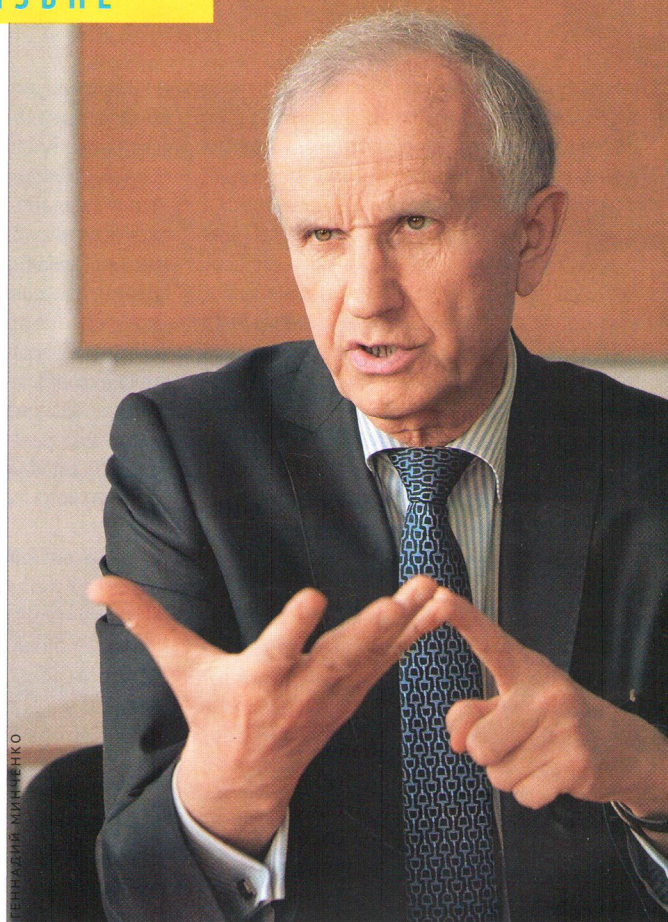
ПЕРСОНА

“Реформы — инструмент, а не самоцель”

Польский экономист Гжегож Колодко объяснил, почему Польше было проще получить членство в Евросоюзе, чем Украине

На протяжении последних 25 лет Польшу ставят в пример Украине как страну, которая успешно провела капиталистические преобразования, вступила в ЕС и даже не сильно пострадала в период кризиса 2008 г. Корреспондент БИЗНЕСа побеседовал с одним из архитекторов польских рыночных реформ, профессором **Гжегожем Колодко**, приехавшим на конференцию, организованную Международным институтом менеджмента. Профессор Колодко, руководивший Минфином Польши в 1994-1997 гг. и в 2002-2003 гг., рассказал, как полякам удалось “открыть двери” в Европу и какие уроки из этого опыта должна извлечь Украина.

ЕВГЕНА ДИЯ КИРИЧЕНКО

— Вас называют одним из главных реформаторов страны. Вы согласны с такой характеристикой?

— Не совсем. Реформы — инструмент в руках политика. Они не могут быть самоцелью или отражением внутреннего желания просто что-то менять. Мы разработали специальную программу “Стратегия для Польши”, благодаря которой среднегодовой прирост производства в 1994-1997 гг. составил 10,8%. Занятость населения увеличилась на 2 п.п. в год. Инфляция с 32,2% в 1994 г. снизилась до 14,9% в 1997 г. Приток инвестиций в польскую экономику ускорился с 9,2% в 1994 г. до 21,8% к концу 1997 г. До 1997 г. прирост экспорта составил 72,8%. В течение 1994-1997 гг. ВВП на душу населения возрастал в среднем на 6,4% в год и в целом увеличился на 28%.

— Почему вы так часто критикуете “шоковую терапию” Лешек Бальцеровича (уткоренный переход от плановой экономики к рыночной в 1989-1993 гг.)?

— Лешек Бальцерович реализовал неолиберальную концепцию экономических изменений в условиях постсоциалистической действительности. Эта политика стоила полякам многого. Мы потеряли ряд возможностей для будущего роста.

— В чем это проявлялось?

— Избыточная стабилизационная политика, невнимание к строительству рыночных институтов и чрезмерная либерализация торговли вкупе с пренебрежением стимулирующими функциями государства сделали издержки преобразования плановой

системы Польши намного большими, чем неизбежный минимум. Двадцать лет назад правительство обещало снизить уровень безработицы и быстро стабилизировать финансовую систему. Уменьшение ВВП в 1990 г. планировалось на уровне 3,1%, а количество безработных не должно было превысить 400 тыс. чел. Инфляцию уже за три месяца обещали снизить до 1%, а бюджет полностью сбалансировать. В результате ошибочных действий г-на Бальцеровича с середины 1989 г. по 1992 г. ВВП сократился почти на 20%. Впоследствии мы имели массовую безработицу: в 1994 г. количество безработных достигло 3 млн чел. Только семь лет спустя инфляция снизилась до 1% в месяц. Я уже не говорю о дефиците бюджета. В 1992 г. он превысил 6% ВВП. Это и есть правда о знаменитом “шоке без терапии”.

— Спустя некоторое время польское правительство отказалось от такой политики. Почему?

— Изменились политические тенденции. Нужно было решать множество заданий. К примеру, главной бомбой замедленного действия была безработица. Тем не менее в 1994-1997 гг. ВВП рос. Было создано около миллиона новых рабочих мест. Социальная напряженность снизилась. Оглядываясь назад, понимаю, что это был лишь частичный успех. Всегда нужно правильно расставлять цели. Нельзя руководствоваться исключительно неолиберальными принципами. Это путь в никуда.

— Но все же этот путь привел Польшу в ЕС, не так ли?

— Но с каким результатом? Сейчас Польша могла бы быть более развитой страной. Это касается и качества жизни, и уровня заработной платы, и социальных гарантий, конкурентоспособности и т.д.

— В чем состоит главное отличие польской политической элиты от украинской?

— В Польше не было “передозировки” бюрократией и олигархами. А в Украине бюрократический аппарат достиг угрожающих размеров. После распада СССР мы не позволили, чтобы коррупция проникла во все сферы жизни. Это убергло нас от влияния всемогущих олигархов. Польские политические круги вместо дележа собственности боролись за свободный европейский рынок. И это главное отличие польских элит от украинских.

— Политические силы Польши все время двигались в одном, прозападном, направлении, чего не скажешь об Украине. Есть ли теперь европейской Польше куда двигаться?

— Эта дискуссия занимает многих польских интеллектуалов, политиков, экономистов. Все это время мы двигались в Европу. Наконец-то пришли. Теперь вопрос в том, что делать дальше. Какова роль Польши в Европе? Что ее отличает от других стран и где найти точки соприкосновения? И ответов на эти вопросы пока нет.

— Сколько Польше понадобилось времени для выполнения всех требований ЕС?

— Десять лет — с 1994 г. до 2004 г. И все

это время между партиями, различными группами в коалиции существовали противоречия. Но, к счастью, мы не превратили процесс трансформации в бюрократический хаос. В Сейме не было политических баталий. Власть менялась, однако проевропейский вектор сохранялся всегда. Двадцать лет назад мы получили огромные пакеты документов из Брюсселя. Это были обязательные для исполнения условия вступления в ЕС. Украину ждет то же самое. Есть четкие законы, нормы, которые нужно исполнять, иначе дела не будет. Нам пришлось проработать 35 разделов, регулирующих различные сферы жизни. Полностью изменилась правовая система, внесено множество изменений в Конституцию. По такому же сценарию развивались и страны Балтии. Если бы мы этого не сделали, сейчас Польша была бы совсем другой страной.

— Каковы, на ваш взгляд, “минусы” регуляторной политики ЕС?

— Половина бюджета ЕС тратится на доплаты аграрному сектору. Тогда как эти деньги можно было бы вкладывать в охрану окружающей среды, развитие инфраструктуры. Такая политика долго существовать не может. Если Украина хочет вступить в ЕС, то уже сейчас должна понимать, что она не будет доминантом среди европейских аграриев. Скорее всего, Европа воспользуется природными богатствами Украины. Так что Украина может превратиться в сырьевой придаток Европы.

К тому же в Европе процветает бюрократия, только иного уровня. Когда речь идет о регулировании жизнедеятельности такого огромного организма, как ЕС, всегда есть опасность перестараться с регулированием.

— Но Польша ведь с умом распорядилась субсидиями ЕС.

— В идеале, экономика страны не должна опираться на субсидии. Несмотря на урбанизацию, Польша преимущественно сельская страна. Множество людей работают в аграрном секторе. Так что субсидии ЕС нам очень кстати, и люди чувствуют экономическую поддержку.

— Нужно ли Польше попроситься о золотом?

— Только Великобритания и Дания из всех стран Евросоюза могут не переходить на евро. У Польши свободы выбора нет. Мы обязаны перейти на евро. Конечно, можно отказаться от этой идеи. Но для этого нужно провести всенародный референдум, а также получить согласие всех остальных стран ЕС. В целом, евро — “плюс” для польской экономики. Принадлежность к единому валютному рынку снизит транзакционные расходы; экономия составит до 12 млрд злотых в год. Также это независимость от валютного курса. Первая мысль, которая возникает в голове польского бизнесмена,

Досье БИЗНЕСа

ГЖЕГОЖ КОЛОДКО, министр финансов Польши (1994-1997 гг., 2002-2003 гг.), ключевой архитектор польских экономических реформ, профессор экономики

РОДИЛСЯ: 28 января 1949 г. в г.Тчеве (Польша).

ОБРАЗОВАНИЕ: Главная школа планирования и статистики (1972 г.; сейчас — Варшавская школа экономики); кандидат (1976 г.), доктор экономических наук (1984 г.). В качестве стипендиата Фонда им.Фулбрайта в 1985-1986 гг. проходил обучение в Иллинойском Университете (США).

КАРЬЕРА: 1967-1968 гг. — неквалифицированный рабочий на стройке в Гданьске; с 1972 г. — преподаватель Главной школы планирования и статистики; 1983-1988 гг. — советник председателя Национального банка Польши; 1988 г. — основатель и директор Института банковского дела и монетарной политики Национального банка Польши; 1988-1989 гг., 2002 г. — научный сотрудник в Мировом институте исследований экономического развития ООН; 1989-1994 гг. — директор Института финансов (г.Варшава, Польша); 1991 г., 2000 г. — консультант исследовательского департамента МВФ; 1992 г., 1999 г. — консультант департамента фискальной политики МВФ; 1994 г. — научный сотрудник Института финансов и монетарной политики (г.Токио, Япония); 1998 г. — научный сотрудник Всемирного банка, старший научный сотрудник Йельского университета (г.Нью-Хейвен, США; с 1701 г.); 1989 г. — участник “круглого стола” по экономической трансформации Польши, на котором коммунистическое правительство добивалось консенсуса с объединением профсоюзов “Солидарность”; 1994-1997 гг., 2002-2003 гг. — вице-премьер, министр финансов Польши. Сейчас возглавляет исследовательский институт TIGER (Transformation Integration and Globalization Economic Research) в Университете им.Леона Козьминского (г.Варшава, Польша; с 1993 г.).

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: женат, двое детей.

УВЛЕЧЕНИЯ: путешествия, классическая музыка, спорт.

который хочет инвестировать деньги в немецкий бизнес: а какой будет курс? Ведь никто ему гарантий не даст. Вопрос состоит лишь в одном: при каком курсе переходить на евро? Этот курс должен быть выгоден польским экспортерам.

Скорее всего, Польша перейдет на евро через пять лет. При этом придется изменить Конституцию. А для этого необходимо провести референдум или иметь 2/3 голосов в Сейме. На польской

политической сцене получить такое большинство просто невозможно. Чтобы его сформировать, нужно идти на компромиссы в разных вопросах. А это уже начало опасных политических игр.

— Какие вызовы ждут страну в ближайшее время?

— Дальнейшая диверсификация реального сектора экономики. Польша очень сильно зависит от немецкого рынка. И это опасно. Нам нужна экспансия на Восток — в Украину, Белоруссию, Россию и другие страны СНГ. Парадоксально, но товарооборот с этими странами должен расти в разы быстрее, чем со странами Запада. Нам нужно набирать обороты за пределами ЕС. В последующие 10-15 лет товарооборот Польши с Украиной должен увеличиваться быстрее, чем с Германией. Конкурировать на немецком рынке сложнее, чем на украинском.

Еще один вызов — это борьба с безработицей и эмиграцией. За 10 лет членства в ЕС 2 млн поляков выехали за пределы страны. И это на фоне низкой рождаемости — 1,3 ребенка на женщину. Нужно ускорить темпы экономического роста. Только так можно будет удержать людей от эмиграции и уменьшить показатели безработицы.

— Какие реформы нужны Украине?

— Проблема номер один в Украине — отсутствие политических институтов. До сих пор не было единого вектора движения. Членство в ЕС не должно быть самоцелью. Важен путь и те фундаментальные изменения, которые можно провести. Конечно, важно побороть коррупцию. Для этого нужна эффективная регуляторная политика. Для Украины очень хорошим примером может служить современная Турция. Именно эта страна на протяжении многих лет заявляет о своем желании стать частью ЕС. Турецкие политические и финансовые элиты поняли, что стремление к ЕС помогает менять внутреннюю ситуацию в стране, становится сильной и правовой страной. Возможно, Украине и не стоит вступать в ЕС. Лучше опираться на свои силы. Цель важна, поскольку показывает направление движения. Но сам путь важнее, поскольку позволяет решать конкретные задачи и менять действительность. Не стоит жить только европейской мечтой.

— Сколько лет понадобится Украине, чтобы все же стать членом ЕС?

— Не менее десяти. Также следует помнить, что с каждым годом люди в ЕС все меньше хотят расширения своих границ. Они не желают видеть в Евросоюзе ни турок, ни украинцев, ни сербов. Польше было проще вступить в ЕС, поскольку тогда западным бизнес-кругам это было выгодно. Сейчас Европа не нуждается в таких больших и проблемных восточных регионах, как Украина.

Романия Горбач